

У нас была удивительная карьера

Она никогда не пела в России. Но меломаны знают ее голос по записям. И когда на Третьем Международном конкурсе молодых оперных певцов Елены Образцовой в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии объявили имя Джоан Сазерленд, публика встала и овацией приветствовала одну из величайших певиц минувшего века. Ее называли "Изумительной". Ренату Тебальди — "Великолепной". Марию Каллас — "Божественной". Супружеская чета — Джоан САЗЕРЛЕНД и выдающийся дирижер Ричард БОНИНГ — легенда мировой оперы. Оба родились в Сиднее. Их объединила музыка. И они всегда вместе. Неразлучны супруги были и на образцовом конкурсе. Она — как истинная леди — сдержанна, ничем не выказывала своих эмоций и даже не попевала тихо конкурсантам, как делали ее именитые коллеги по сцене и по нынешнему жюри. И он — красивый, изысканный джентльмен — тоже старался ничем не привлечь внимание публики. Поначалу супруги неохотно шли на интервью. Но теплый прием петербургцев растопил их сердца, и они разговорились. Мы задавали то вдвоем, то втроем.

— Вы из музыкальных семей? — спросила я супругов.

Сазерленд. У моей мамы было прекрасное меццо-сопрано, но ее родители не хотели, чтобы дочь пела на профессиональной сцене. И мама занималась эскалом дома, а я всегда была рядом и старалась добиться такого же звучания голоса, как и у нее. Признаться, даже не помню, когда я не пела. Я всегда хотела выступать в театре. С голоса мамы я разучила много популярных арий и считала, что у меня тоже меццо-сопрано. Но после окончания школы поступила на курсы sten-стафии и машинописи, а в восемнадцать лет начала работать. Тогда шла война. Семье нужны были деньги. Папа умер, когда мне было всего шесть лет.

Бонинг. А моя семья не имела к музыке никакого отношения — тогда мне было четыре года, родным стало ясно, что мне надо учиться играть на пианино. Я упорно занималась и долгое время мечтал быть пианистом. Помню, как в четырнадцать лет много играл Грига... Роман-тик ли? В музыке — да.

— Когда же вы познакомились?

Сазерленд. Мы в одно время учились в Сиднейской консерватории. Как-то я прочитала, что там объявлен конкурс для начинающих певцов. Победитель предоставлялся возможность заниматься вокалом два года и — что важно — получать стипендию. Я спела арию Далилы "Открылась душа" из оперы "Самсон и Далила" Сен-Санса и выиграла этот конкурс. Моим аккомпаниатором в консерваторские годы почти постоянно был студент Ричард Бонинг.

— Когда же началась ваша карьера?

Сазерленд. В 1947 году я исполнила в сиднейском концертном зале свою первую оперную партию. Это была Дидона из оперы "Дидона и Эней" Перселла. А занималась я у известного педагога Аиды Диккенс. Она первая сказала, что у меня не меццо, а драматическое сопрано. Я же до тех пор пазивала в основном низкий и средний регистры.

Бонинг. А через три года после этой премьеры я уехал в Лондон. Там увлекся театром и решил стать дирижером. Через год туда приехала и Джоан.

Сазерленд. Когда я занималась в Лондоне в Королевском музыкальном колледже у Клайва Кэри... Мечтала петь в Ковент-Гарден. Но дирекция трижды отказывала мне в этом. Однако в октябре 1952 года я все же дебютировала на его сцене маленькой партией Первой дамы в "Волшебной флейте" Моцарта. Вскоре мне пришлось заменить внезапно заболевшую певицу и без репетиций исполнить партию Амелии в опере "Бал-маскарад" Верди. Потом мне поручили петь вердиевскую Аиду, Графиню в "Свадьбе Фигаро" Моцарта, Агату в "Волшебной стрелке" Вебера.

— И вы снова работали вместе?

Сазерленд. Мы поженились в 1954 году. И много занимались дома, а не на публике.

Бонинг. Джоан совсем не амбициозная личность. И нужно сказать, я ее немного подталкивал. В Лондоне ее учили петь Вагнера. Я же предложил ей изменить репертуар и заняться бельканто, поскольку услышал в ее голосе звуки, которые дали мне основание быть уверенным в успехе. У Джоан очень большой голос. Боюсь показаться нескромным, но, на мой взгляд, это самый красивый голос эпохи. Критики писали, что звуки ее верхнего регистра напоминают флейту, средний регистр своей теплотой и наполненностью — гобой, а бархатистые, низкие ноты — виолончель... Она владеет голосом, как виртуоз своим инструментом.

Сазерленд. Мне кажется, что в искусстве можно чего-то добиться, если обладаешь жестким самоконтролем. Когда я начинала петь, мне говорили, что я буду преемницей Кирстен Флагстад и моими ролями станут Брунгильда в "Валькирии" и Изольда в "Тристане и Изольде". У Флагстад было прекрасное сопрано, я без конца слушала ее, и даже старалась подражать. Но это неправильно. У каждого голоса свои особенности, и надо всегда оставаться самим собой и не быть похожим на других. Мне также прочили будущую вердиевскую и пуччиниевскую певицу. Все это осталось мечтами, хотя порой мне и хотелось попробовать свои силы в настоящей партии для драматического сопрано. Однако артисту приходится усмирять свои желания. И все же в 1972 году я записала на пластинку партию Турандот в опере Пуччини, а это одна из вершин драматического сопрано, а в 1979 году осуществила свою мечту и записала целый диск арий из опер Вагнера.

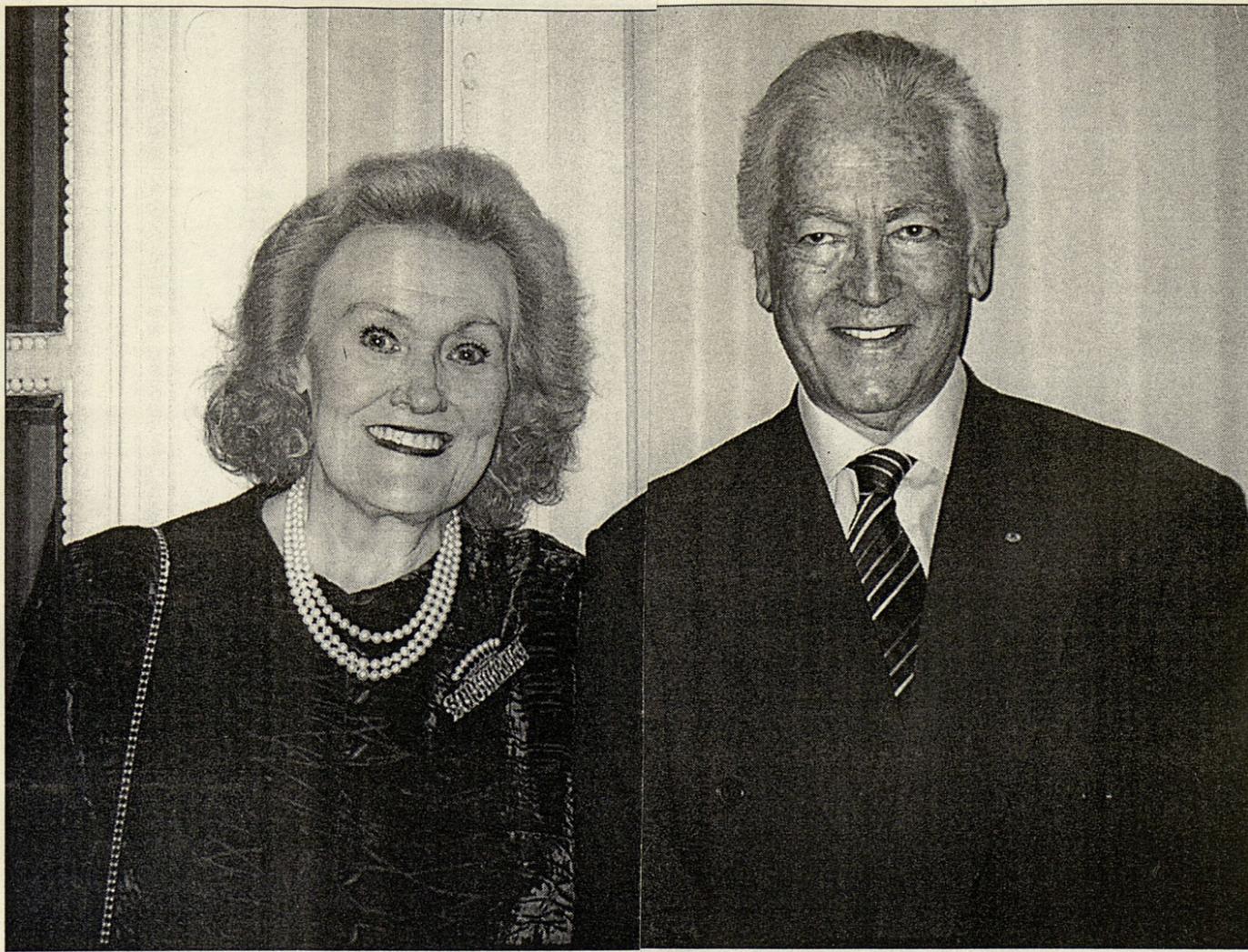
— А вы, господин Бонинг, амбициозны?

Бонинг. Также нет. Просто люблю голос и музыку. Никогда не стремился быть знаменитым. Лучше всего чувствую себя там, где нас не знают, когда, например, мы отдыхаем в Греции или приезжаем в восточные страны.

— Когда вы вышли на мировую сцену?

Сазерленд. Я стала известна благодаря партии Лючия в опере "Лючия ди Ламмермур" на сцене Ковент-Гарден, поставленной там в 1959 году Франко Дзеффирелли. А дирижировал знаменитый Туллио Серафин. С той поры я стала вдруг певицей международного класса.

Бонинг. Услышав Джоан, Серафин, продолжатель традиций бельканто и знавший лучших исполнительниц этой партии на протяжении полувека, был растроган до слез. История несчастной ламмермурской невесты прозвучала как высокая жизненная трагедия. Премьера стала триумфом Джоан. Она сразу же начала получать приглашения в ведущие театры мира. И с тех пор стала петь лирико-колоратур-

ные партии в белькантовых операх итальянских и французских композиторов. Она владела абсолютным мастерством и была идеальной романтической героиней опер девятнадцатого столетия. Джоан знаменита еще и исключительным репертуаром. А в нем — около 80 партий.

— Мадам Сазерленд, правда ли, что вы всегда берегли голос?

Сазерленд. Правда. Я старалась не подвергать свой голос опасности и экономила силы, ограничив выступления до двух-трех раз в неделю. Но в то же время четко понимала, что я член труппы, и не позволяла себе капризы. Тогда в театре была жесткая дисциплина. Актеры знали свой репертуар наизубок, моли в случае надобности заменить друг друга. Сейчас, как я знаю, певцы летают по миру. Сегодня уютно на одном континенте, через два-три дня — на другом. Они спешат удивить мир. Но результат чаще всего бывает обратным. Физическое переутомление сразу же сказывается на связках.

— Елена Образцова считает ваш спектакль "Трубадур", господин Бонинг, которым вы в 1977 году дирижировали в Сан-Франциско и где в партии Леоноры дебютировали вы, мадам Сазерленд, одной из главных своих удач. Она также говорит, что вы поете, как птица, легко и вольно. Казалось бы, у вас нет никаких проблем с техникой.

Бонинг. Да, это был замечательный спектакль. Мы много выступали вместе. Елена Образцова — выдающаяся певица современности. У нее уникальное, я бы сказал, фантастическое меццо-сопрано, которым она прекрасно владеет. И к тому же поразительная лава темперамента и артистизм. Это яркая индивидуальность. Работать с ней было одно удовольствие.

Сазерленд. Что касается моего пения, то все мне досталось от мамы, хо-

тя она и не учила меня активно, но заложила основы техники. Помню, когда я пела, она меня останавливала и говорила: "Нет, нет. Не надо так форсировать звук..." И показывала, как надо делать правильно. У мамы был прекрасный преподаватель, ученик выдающегося педагога конца девятнадцатого века Матильды Маркези. И я никогда не меняла то, что с раннего детства заложила во мне мама, и всегда помнила все ее рекомендации.

— В чем счастье музыканта?

Сазерленд. Я получала удовольствие от самого процесса пения. Когда поешь на сцене и чувствуешь, что публике нравится твоя работа, а прием порой превосходит все ожидания, то это, конечно, дает глубокое удовлетворение. Счастье певицы и состоит как раз в том, чтобы доставлять радость людям.

Бонинг. Нам повезло в жизни. Мы начинали в 50-е и 60-е годы и работали с выдающимися людьми, о которых, к сожалению, приходится говорить уже в прошедшем времени. Наш репертуар состоял в основном из сочинений Моцарта, Генделя, опер бельканто минувших веков и оперетт. Мы также счастливы, что смоли возобновить и продлить жизнь опер, к тому времени мало известных и исключенных из репертуара. Не могу не назвать их. Это — "Югеноты" Мейербера, "Семирамида" и "Сигизмунд" Россини, "Дочь полка", "Мария Стюарт", "Анна Болейн" и "Лукреция Борджа" Доницетти, "Эсклармонда" и "Король Лахорский" и "Тереза Массне, а также "Медя" Пачини, "Орфей" Гайдна и "Разбойники" Верди. По многим из них я сделал видеофильмы. Записывал и балетные спектакли. И сейчас у меня выходят новые диски... У нас была удивительная карьера. Мы исполняли музыку, которую любили.

— Что вы считаете кульминацией своей карьеры?

Сазерленд. В 1975 году меня награ-

дили орденом Австралии. А через четыре года после этого присвоили звание Дамы ордена Британской Империи. И что самое приятное — Ее Величество королева Елизавета вручила мне орден "За заслуги". Им награждены всего 22 человека. Чтобы его получить, надо сначала умереть. Мне вручили его при жизни. И это дорого. Позже и правительство Франции удостоило меня своего ордена "За заслуги".

Бонинг. А я Кавалер ордена Британской Империи, который пожаловала мне королева Великобритании в 1977 году. А также ордена Австралии. И был удостоен звания "Кавалер Искусств и Литературы" во Франции.

— Мадам Сазерленд, когда вы решили закончить карьеру?

Сазерленд. В 1990 году я поняла, что больше не хочу ничего учить. К тому времени я выступала на сцене уже сорок три года. Это достаточный срок, чтобы научиться трезво и хладнокровно относиться к себе. В последний раз я пела в опере в конце того же года в Сиднее в опере "Югеноты". В Ковент-Гарден меня хотела проводить опереттой "Летучая мышь", где я должна была спеть Розалинду. Но я решила, что бегать мне по лестницам вверх и вниз уже не надо, и отказалась от партии, хотя и вышла на сцену в бале графа Орловского как гость.

— Расскажите, пожалуйста, о своей книге.

Сазерленд. Она называется "Прогресс Примадонны" и опубликована в Великобритании, Австралии и США. Я вспоминаю в ней, как пела, начиная с детства и до ухода на пенсию, а также о замечательных людях, которых встретила за годы счастливой карьеры.

— Могли бы вы назвать несколько имен?

Сазерленд. Трудный вопрос. Их очень много... Но назову два. Это мой муж, Ричард Бонинг. Он всегда руководил мною. А мне никогда не нрави-

лись те музыканты, которые спрашивали, чего я хочу сама. И великий Туллио Серафин, старейший из дирижеров. С ним я работала с наибольшим удовольствием.

— Чем сейчас занимаетесь?

Сазерленд. Мы даем с мужем мастер-классы и работаем в жюри разных музыкальных конкурсов. Главная моя радость — я бабушка. Сын с невесткой подарили нам двух внуков — Наташу и Ваню.

— Почему вдруг русские имена?

Бонинг. Нам всем нравится имя Наташа. В колледже у сына был близкий друг Ваня, так он и назвал нашего внука.

— Чем занимаетесь ваш сын?

Сазерленд. Ему 47 лет. Сначала он увлекся гостиничным бизнесом, а сейчас — менеджментом.

— Есть ли у вас русские корни?

Бонинг. Никаких. Но мы любим русские романы. Они очень романтичны. Зачитываемся "Анной Карениной" и "Войной и миром" Льва Толстого, сочинениями Николая Гоголя, Ивана Тургенева. Я люблю чеховскую пьесу "Чайка". Ее часто ставят в Лондоне. И мы видели многие ее постановки.

— За что любите Чехова?

Бонинг. В его пьесах и рассказах люди очень реальные и близкие. И мне кажется, что я сам рассказую о жизни часто так же, как и ваш Чехов.

— Кого любите из русских композиторов?

Бонинг. О! Конечно, Чайковского. Особенно его "Пиковую даму" и "Евгения Онегина". И Первый концерт для фортепиано с оркестром. Это же фантастика! Рад, что записал на диски три великих балета композитора.

— Есть ли у вас хобби?

Бонинг. Коллекционирую манускрипты композиторов, картины, старинный фарфор... А Джоан увлечена нашим садом. Мы живем в Швейцарии, в Альпах, в километре от Женевского озера. И еще в последнее время

она стала вязать коврики для кресел и диванов. У нее получается красиво! Впрочем, как и все, за что берется.

— В который раз вы уже приезжаете в Россию?

Бонинг. В третий. В 1995 году я поехал в Москве и Петербурге "Орфей и Эвридику" Гайдна. Три года спустя — "Золушку" Эдуарда Николо в Московском театре Станиславского и Немировича-Данченко. Оба раза я работал с "Ансамблем XXI Москва", Детской хоровой капеллой Марии Струве, московскими и зарубежными вокалистами. И остался очень доволен работой.

— Вы олицетворяете золотой век оперы. А что скажете о ее сегодняшнем состоянии?

Сазерленд. Признаться, не люблю классические оперы в современной трактовке и исполнении. Поэтому не могу сказать, что часто хожу в оперу, поскольку больше всего слышу весьма нелестные отзывы от людей, которым доверяю. Мне кажутся нелепыми попытки осовременить, скажем, "Травиату", приспособить к нашему времени мораль прошлого. От исполнительницы партии Виолетты сегодня требуют больше всего "физического соответствия", то есть внешних данных, забывая, что главное в опере — голос. Не понимаю также изысков в сценографии и костюмах, когда тратятся миллионы долларов, и чаще всего неоправданно и неестественно. Мне также кажется, что сейчас мало обращают внимания на профессиональную подготовку вокалистов, выпускают спектакли с одной целью, чтобы они хорошо смотрелись и их можно было бы показывать по телевидению, и при этом часто грешат по части музыкальной выразительности. Да, сейчас нет настоящего большого, красивых голосов. Но надеюсь, что грядет время чего-то нового. Давайте подождем.

Бонинг. Я тоже не люблю современную оперу. Предпочитаю классику. А потом, где голоса? Где новая Тебальди, где Сазерленд, где Каллас, где Кабалье?.. Разве сегодня можно услышать такие голоса?

— Как вам понравились призы образцового конкурса?

Бонинг. У баритона Виталия Билого — потенциально большой голос. Хорошо показали себя на конкурсе два баса — Михаил Колелишвили и Михаил Петренко. Нам понравились и женские голоса — сопрано Оксаны Шиловой и Татьяны Ганиной, меццо-сопрано Елены Максимовой. Но всем лауреатам еще надо много и серьезно работать.

— Как вы провели эти две недели в Санкт-Петербурге?

Бонинг. Превосходно. Нам понравились организация и доброжелательная атмосфера конкурса, прием, оказанный нам. Правда, когда мы после каждого тура обсуждали исполнение конкурсантов, возникали горячие споры, поскольку мы не всегда соглашались друг с другом, но это говорит о взыскательности членов жюри. Елена Образцова удалось собрать очень именитых мастеров сегодняшней оперы, что бывает далеко не на всех европейских конкурсах, а также свидетельствует о ее авторитете в музыкальном мире. Запомнились также великолепные поездки в Павловск, Царское Село и Петергоф... Словом, мы рады, что приняли приглашение Елены Образцовой.

— На будущий год вы отметите полвека своей супружеской жизни. Мало кто из музыкантов мира может похвастаться таким счастьем — и личным, и профессиональным.

Бонинг. Не можем с этим не согласиться.

Сазерленд. Счастья всем молодым!

Беседу вела
Лидия НОВИКОВА

77.09.03.